

ОТДЫХ ПО ЗВОНКУ

Стихотворения

Актёрская сказка

Меч тяжёл. Не ощущаю рук.
Бутафоры явно постарались.
Змей-Горыныч рухнул, оскандалясь,
Без голов (в количестве трёх штук).

Дом покинув, выйдя за порог,
Не мечтал я выжить. Думал – сгину.
Пот солёный разъедает спину.
И чугуна тяжесть у сапог.

Ждать подмоги? Да прожди хоть век!
Это – то же, что добыть лекарства
В тридевятых-трипроклятых царствах,
Где цари не нюхали аптек.

Под мужские «ух» и бабьи «ах»,
Под фольклорный юмор песен Кима –
Я разил чудовищ и кикимор
В наизадремучейших лесах.

Сказка? Бросьте! Чёрный адский труд!
Отдых по звонку – он был как милость,
Ибо ночь бессонная вместилась
В десять перекурочных минут.

И никто не знает – где я был,
Чьи в меня впечатались румяна...
Как ты засмеялась, Несмеяна,
Когда утром я заснул без сил!..

А потом... Какой тяжёлый меч!..
Преодо мной, коленопреклонённые,
Были туполобые Додоны,
И валились головы их с плеч!

Кто-то мне шепнул: «Угомонись!
Али захотелось криминалу?..»
Оттого, наверное, к финалу
Глупости большие начались.

Я подонков с миром отпустил,
Распахнул я в царский закром двери...
Но народ (народ!) в меня поверил!
Это я к финалу ощутил.

Я, ребята, сделал всё, что мог.
Правда, выжил Змей один зелёный...
Всё, ребята!.. Только пот солёный.
И чугуна тяжесть у сапог.

Цапки – в море! В небеса – картуз!
Наплевать, что их нигде не купишь!
Пальцы левой – складываю в кукиш,
Пальцы правой – подношу ко рту, –

И не степь, не поле, а века
Оглушаю троюкратным свистом!..
Надо быть талантливым артистом,
Чтоб сыграть Ивана-дурака.

Баллада о вторичности

Когда стихий шальная сила
в февраль вносила перелом, –
он доставал свои чернила
и долго плакал за столом.

И только строчки Пастернака
шептал в звенящей тишине:
– «Февраль! Достать чернил и плакать!»
Как просто!.. Боже! Дай же мне!..

И вот уже перо строчило,
и он пытался дрожь унять:
«Когда дряхлеющие силы
Нам начинают изменять...»

И замирал, мрачнее тучи,
как будто в зыбком полусне.
и грустно улыбался Тютчев
с фотопортрета на стене.

«Всё – было! Я себя ослаблю!..» –
стучало бешено в висках.
Но полусон кончался явью,
и вот опять – перо в руках.

Он жалок был в порыве яром –
поэтов будущих «предтеча»,
заблудший среди сотен строк:
«Скажи-ка, дядя, ведь недаром...»,
«В одной давилъне всех калеча...»,
«Когда не в шутку занемог...».

Впадал он в пессимизм глубокий,
себя вторичным сознавая –
душою, мыслями, судьбой...
«Белеет парус одинокий...»,
«Люблю грозу в начале мая...»,
«Бери шинель, пошли домой...».

И раздавался смех утробный.
Смеялся в пух, и в прах, и в дым
великий и четырёхстопный
ямб над приверженцем своим.

...Судьба, которая с изъяном,
всегда у юмора в долгу...
Пусть он смешон. Но графоманом
назвать его я не могу.

Чужие строчки – как оковы,
пред ними был он нищ и гол.
Но он – искал. Свой стиль. И Слово.
Всю жизнь искал. И не нашёл.

Так не судите очень строго
того, чей горестен удел.
Тем паче, Вы – нашли дорогу.
Свою. А он вот – не сумел.

...Раскрытый томик Пастернака,
страница двадцать тридцать шесть:
«Февраль! Достать чернил и плакать!..»
Кончаю. Страшно перечесть.